

Коновалов Д. Г. Магистерский диспут: [Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Серг. П., 1908. Ч. 1. Вып. 1:
Физические явления в картине сектантского экстаза] // Богословский вестник 1909. Т. 1. № 2. С. 312–335 (2-я пагин.). (Окончание.)

Магистерский диспутъ Д. Г. Коновалова. (Окончаніе) ¹⁾.

2-е возраженіе П. П. Соколова было направлено противъ слѣдующихъ словъ на 4 страницѣ диссертациі: „Въ виду различія между отдельными случаями сектантскаго экстаза, объясняемаго не только естественнымъ разнообразіемъ въ его проявленіяхъ, но и неодинаковой полнотой въ описаніяхъ послѣднихъ,— начертаніе полной, всеобъемлющей картины религиознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ возможно лишь путемъ сопоставленія всѣхъ извѣстныхъ случаевъ его обнаруженія, выдающихся въ какомъ-нибудь отношеніи; полная картина сектантскаго экстаза, такимъ образомъ, неизбѣжно должна быть сводной“. Исходя изъ того положенія, что всякая картина, даже въ томъ случаѣ, когда художественный образъ есть типъ, выражающій въ себѣ отвлеченную идею, предполагаетъ изображеніе непремѣнно чего-нибудь цѣльного, индивидуального и конкретнаго,— П. П. заявилъ, что въ диссертациі, гдѣ собраны „на протяженіи почти трехъ столѣтій“ всевозможные случаи сектантскаго экстаза, заимствованные у представителей различныхъ мистическихъ сектъ, и перемѣшаны между собой, а наблюдаемы въ нихъ явленія описаны, какъ симптомы одного и того же состоянія, съ распределеніемъ по группамъ, чередующимся въ опредѣленномъ порядке, онъ не находить

¹⁾ См. „Богословскій Вѣстникъ“, 1909, январь, 152—168 стр.

картины сектантского экстаза. Если проявленія сектантскаго экстаза отличаются „естественнымъ разнообразіемъ“, если, другими словами, его формы индивидуальны, то о немъ нельзя дать конкретнаго понятія путемъ простого „сопоставленія всѣхъ извѣстныхъ случаевъ его обнаруженія“: „картина“ экстаза не можетъ быть „сводной“. Художникъ поступилъ бы совершенно противоестественно, еслибы вздумалъ сочетать въ своемъ изображеніи черты различныхъ историческихъ эпохъ и обстановокъ, различныхъ бытовыхъ и психологическихъ положеній, еслибы, напр., желая изобразить на своей картинѣ полководца, взялъ для этой цѣли отдѣльныя части тѣла, одежды, украшений, доспѣховъ и т. д. у различныхъ знаменитыхъ полководцевъ старого и новаго времени. По мнѣнію П. П., самымъ естественнымъ способомъ описанія проявленій сектантскаго экстаза было бы изображеніе ихъ по типамъ. Есть два общихъ типа сектантскаго экстаза: нормальный и патологический. Первый обнаруживается въ слезахъ, умиленіи, молитвенныхъ восторгахъ, радостныхъ тѣлодвиженіяхъ и представляеть въ общемъ такую же картину, какъ проявленія обыкновенной глубокой эмоціи. Второй заключаетъ въ себѣ очевидные элементы истеріи. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ общихъ типовъ можно было бы найти опредѣленныя разновидности, характеризующіяся со вѣнчней стороны въ однихъ случаяхъ преобладаніемъ органическихъ рефлексовъ, а въ другихъ—развитиемъ внѣшнихъ движеній. Наконецъ, въ предѣлахъ этихъ разновидностей можно было бы отмѣтить особыя формы, какія принимаетъ экстазъ у представителей различныхъ мистическихъ сектъ, въ зависимости отъ ихъ религіозныхъ идей, экстазогенныхъ приемовъ, психическихъ и даже физиологическихъ особенностей (напр., у скопцовъ). Разграничение двухъ общихъ типовъ экстаза (нормального и патологического) опредѣленно намѣщается и въ самой диссертациіи, въ ея началѣ, на 2—3 страницахъ. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣляющая ихъ грань сглаживается и обѣ формы экстаза безъ различія утилизируются для построенія одной общей или „сводной“ картины этого состоянія. Правда, и при такомъ смѣшанномъ изображеніи типическая формы сектантскаго экстаза могли бы до извѣстной степени опредѣлиться и обособиться для читателя сами собой, еслибы онѣ были воспроизведены въ скольконибудь

цѣльномъ, конкретномъ видѣ. Но авторъ поступаетъ совер-
шенно обратнымъ способомъ: поставивъ себѣ синтетическую
задачу, онъ разрѣшаеть ее чисто аналитическимъ путемъ.
Желая сопоставить различные случаи сектантскаго экстаза,
онъ разложилъ ихъ на физиологические ихъ элементы и
разсортовалъ послѣдніе по соотвѣтствующимъ рубрикамъ.
Въ результатахъ получилась очень детальная классификація
и вполнѣ научный анализъ симптомовъ экстаза. Но класси-
фикація не—картина и анализъ не есть конкретное воспроиз-
веденіе дѣйствительности. Физиологические элементы экстаза,
взятые въ отдѣльности, уже перестаютъ составлять то цѣлое,
изъ котораго они извлечены, и превращаются въ то, что они
есть сами по себѣ, въ простые физиологические элементы.
Собравъ различные случаи сектантскаго экстаза, авторъ со-
бралъ множество этюдовъ для задуманной имъ картины. Но
вмѣсто того, чтобы написать по нимъ картину, онъ снялъ
съ полотна краски, разсортовалъ ихъ по отѣнкамъ, раз-
ложилъ ихъ на палитрѣ и назвалъ эту систему красокъ
картиною. Авторъ поступилъ подобно такому коллекціонеру—
энтомологу, который, собираясь создать образцовую коллекцію
бабочекъ, разложилъ бы по отдѣльнымъ ящичкамъ ихъ
membra disjecta. Онъ собралъ въ своей книгѣ богатую коллек-
цію физическихъ симптомовъ сектантскаго экстаза, разъеди-
нивши для этого своимъ анатомическимъ анализомъ различ-
ные конкретные случаи экстаза на составляющіе ихъ эле-
менты. Правда, эти симптомы поставлены въ извѣстную вза-
имную связь при помощи общей схемы. Но схема не—
картина.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Какъ бы ни казался несовер-
шеннымъ способъ описанія картины сектантскаго экстаза,
примѣненный въ диссертациі, — другого, лучшаго, болѣе
цѣлесообразного и естественнаго для даннаго случая дис-
путантъ не знаетъ и даже не считаетъ возможнымъ. Въ та-
кихъ случаяхъ, какъ настоящій, когда приходится, вслѣд-
ствіе крайней неполноты и отрывочности материала, возсо-
здавать общую, типическую картину сектантскаго экстаза по
кусочкамъ, мозаично, нѣтъ возможности обойтись безъ того
приема, который авторъ назвалъ „описаніемъ сводной кар-
тины“. Сущность этого приема заключается въ томъ, что
изслѣдователь, подобно коллекціонеру — энтомологу, тща-

тельно собираетъ по возможности всѣ извѣстные случаи интересующаго явленія, когда-бы и гдѣ-бы они ни наблюдались, разлагаетъ ихъ, при помощи анализа, на составные элементы, опредѣляетъ, путемъ сопоставленія, сходство и различіе ихъ по моменту обнаруженія въ процессѣ явленія и по качеству или природѣ и, на основаніи добытыхъ результатовъ, вновь соединяетъ (синтезируетъ) раздѣленные анатомическимъ анализомъ элементы въ цѣльную картину, располагая ихъ въ томъ же порядкѣ и въ той же связи, въ какихъ они наблюдаются въ живой дѣйствительности. Особенность названного приема, объясняемая неполнотой источниковъ, заключается въ томъ, что отдѣльныя части общей картины изображаются не всегда по даннымъ, извлекаемымъ изъ описаній однихъ и тѣхъ же случаевъ явленія; напротивъ, ей усвояются черты, наличность которыхъ засвидѣтельствована лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но не во всѣхъ. привлеченныхъ къ ея реконструкціи, разъ есть основаніе думать, что эти черты, зарегистрированныя лишь нѣкоторыми наблюдателями, бѣ дѣйствительности оказываются обычной принадлежностью данного явленія. Примѣнивши подобный приемъ къ описанію картины сектантскаго экстаза, авторъ наименовалъ послѣднюю „сводной“. Название это, по мысли автора, должно указывать на то, что картина начертана на основаніи „свода“ или систематизаціи описаній всѣхъ извѣстныхъ случаевъ сектантскаго экстаза, безъ различія временъ, мѣстъ и сектъ, причемъ пробѣлы однихъ описаній восполнены свѣдѣніями изъ другихъ, а исключительные симптомы собраны и приведены въ качествѣ варьантовъ. Оправданіемъ для начертанія такой „сводной картины“ служить поразительное общее сходство между отдѣльными случаями сектантскаго экстаза, наблюдавшимися на протяженіи почти трехъ столѣтій, въ различныхъ мѣстностяхъ европейской и азіатской Россіи, у представителей разнообразныхъ мистическихъ сектъ. Сектантскій экстазъ—явленіе ненормальное, сплошь и рядомъ осложняющееся патологическими симптомами, а явленія такого рода, какъ извѣстно, чрезвычайно стереотипны, шаблонны, остаются неподвижными и устойчивыми въ теченіе вѣковъ и при смѣнѣ обстоятельствъ.

По поводу основной мысли возраженія проф. П. П. Соколова, будто диспутантъ въ своей книгѣ смѣшиваетъ два различныхъ

типа сектантскаго экстаза—нормальный и патологический. Г. Коноваловъ рѣшительно заявилъ, что такого смѣшенія у него нѣтъ. Въ своей книгѣ онъ описываетъ пока только одинъ основной, общій, наиболѣе распространенный типъ сектантскаго экстаза, наиболѣе часто встрѣчающуюся его картину. Таковымъ онъ считаетъ экстазъ въ формѣ ненормального душевнаго волненія, осложненнаго множествомъ истерическихъ и другихъ чисто болѣзненныхъ симптомовъ. Съ описанія случаевъ, дающихъ наглядное представление объ этомъ типѣ экстаза, начинается книга, и на ея первыхъ трехъ страницахъ совсѣмъ нѣть сообщеній о случаяхъ нормальнаго экстаза, о которыхъ говорить оппонентъ (см., напр., истерическое чередованіе слезъ и смѣха въ экстазѣ хлыста Зотова, с. 1). По мнѣнію диспутанта, самое понятіе „нормальнаго экстаза“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое *contradiccio in adjecto*: экстазъ всегда означаетъ выхожденіе изъ нормы или нормального состоянія. То-же, что оппонентъ предлагаєтъ назвать „нормальнымъ“ экстазомъ, есть не болѣе, какъ „обыкновенная глубокая эмоція“.

Отвергая обвиненіе въ смѣшаніи двухъ различныхъ формъ экстаза при построеніи сводной его картины, диспутантъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что проявленія сектантскаго экстаза слѣдуетъ описывать *по типамъ*, и въ своей работе, насколько возможно, проводить этотъ принципъ. Въ основу своего изслѣдованія онъ положилъ упомянутый наиболѣе распространенный типъ сектантскаго экстаза, попутно отмѣчая разновидности (варьянты) въ его предѣлахъ и особяя формы, какія принимаетъ онъ въ различныхъ мистическихъ сектахъ (напр., преобладаніе прыганья у прыгуновъ, отсутствіе пророчествъ у Екатеринбургскихъ квакеровъ и т. п.). Когда будетъ закончено описание и анализъ этого типа, авторъ перейдетъ къ другимъ. Но и тогда ему неизбѣжно понадобится тотъ же приемъ описанія „сводной картины“ экстаза, примѣнительно къ каждому изъ его типовъ. Характерно, по мнѣнію диспутанта, что подобного приема не могъ избѣгнуть и самъ оппонентъ, когда ему понадобилось, въ предшествующемъ возраженіи, изобразить сомнамбулическій типъ экстаза: собравъ различные случаи сомнамбулическаго экстаза на протяженіи четырехъ столѣтій (XIII—XVI в.), онъ, путемъ сопоставленія ихъ, извлекъ сходныя черты, даль об-

щее описание физическихъ явлений экстаза, распределивши ихъ по тремъ послѣдовательнымъ периодамъ (летаргіи, каталепсіи и сомнамбулизма), и назвалъ это описание „физической картиной экстаза“.

По поводу замѣчанія проф. П. П. Соколова, что у автора анализъ слишкомъ преобладаетъ надъ синтезомъ и уничтожаетъ впечатлѣніе живой, цѣлостной „картины“ сектантскаго экстаза,—диспутантъ, во первыхъ, заявилъ слѣдующее. Замѣтное преобладаніе анализа въ диссертациії вызывалось, между прочимъ, необходимостью устанавливать подлинный смыслъ многихъ метафорическихъ и вообще неясныхъ выражений въ описаніяхъ симптомовъ сектантскаго экстаза, прежде чѣмъ вводить послѣдніе въ общую картину явленія (ср., напр., выраженія: „духъ трепещется въ животѣ“, „чтеніе писанія по гласу“ и т. п.). Но нельзя забывать, что разъединяющее вліяніе анализа парализовано въ диссертациії созидательной работой синтеза, возстановляющаго естественную взаимную связь экстатическихъ симптомовъ. Выдѣленные анализомъ симптомы соединены авторомъ въ комплексы и группы, сообразно съ ихъ связью, наблюдаемой въ дѣйствительности, и, что всего важнѣе, распределены въ порядкѣ, соответствующемъ моментамъ ихъ реального проявленія въ теченіи экстатического приступа. Такимъ образомъ, описание физическихъ симптомовъ сектантскаго экстаза въ диссертациії даетъ цѣльное и наглядное представление о томъ, какъ въ дѣйствительности протекаетъ типичное экстатическое возбужденіе сектантовъ и изъ какихъ физическихъ элементовъ оно слагается. Вотъ почему авторъ и назвалъ свое описание „картины“ экстаза, конечно, въ переносномъ смыслѣ, совсѣмъ не думая отожествлять ее съ картиной въ настоящемъ художественномъ смыслѣ слова. Такое примѣненіе слова „картина“ не составляетъ изобрѣтенія автора диссертациіи. Достаточно сослаться на медицинскую литературу, где постоянно встрѣчается выражение „клиническая картина болѣзни“, чтобы убѣдиться въ этомъ. Между тѣмъ, оппонентъ въ своемъ возраженіи, повидимому, исходить отъ буквальнаго значенія слова „картина“, съ какимъ оно употребляется въ живописи. Само собой понятно, что такой картины онъ не нашелъ въ диссертациіи, гдѣ картина сектантскаго экстаза описывается научно, а не рисуется художественно.

З-е и послѣднєе возраженіе П. И. Соколова, являясь дальнѣйшимъ развитиемъ второго, касалось нѣкоторыхъ повтореній, встрѣчающихся въ диссертaciї. Напр., въ ней о слезахъ и сродныхъ имъ секреторныхъ явленiяхъ говорится въ трехъ отдѣлахъ (с. 18—20; 20 и слѣд.; 33—34 и слѣд.), о крикахъ—на с. 35., 38., 127—128, о смѣхѣ рѣчь идетъ въ связи со слезами (с. 24—26) и въ параграфѣ о „смѣшанныхъ дыхательныхъ спазмахъ“ (с. 29—30). По мнѣнію П. И., эти и подобныя повторенія произошли отъ чрезмѣрной детализаціи принятыхъ авторомъ подраздѣлений и описаній. Между тѣмъ физическая обнаружenія сектантскаго экстаза такъ разнообразны и такъ тѣсно связаны между собой, что обособить ихъ другъ отъ друга и уложить въ точныя классификаціонныя рамки весьма трудное дѣло. Поэтому, лучше было бы, во избѣжаніе повтореній, объединить сродные и близкіе другъ другу симптомы экстаза и описывать ихъ не какъ отдѣльные элементы, а какъ цѣлые комплексы, въ ихъ естественной связи и взаимодѣйствіи. Слишкомъ подробная классификація этихъ симптомовъ, конечно, свидѣтельствуетъ о тщательности, съ какою ихъ изучаетъ авторъ, и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно составляеть его заслугу; но въ то же время она является и недостаткомъ книги.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Упоминаніе объ однихъ и тѣхъ же физиологическихъ явленiяхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги объясняется не чрезмѣрной детализаціей классификаціонной схемы, а повторяемостью самыхъ явленiй (слезъ, смѣха, воздыханій, криковъ и т. д.) въ различные періоды сектантскаго экстаза и обнаруженіемъ ихъ не только въ видѣ отдѣльныхъ симптомовъ, но и въ *характерныхъ* сочетанiяхъ между собою (комплексахъ). Напр., непроизвольный смѣхъ встрѣчается во всѣхъ періодахъ сектантскаго экстаза и, сверхъ того, образуетъ иногда, въ сочетанiи съ слезами, очень своеобразный комплексъ, чрезвычайно важный для опредѣленія природы самаго экстаза. Вотъ почему объ экстатическомъ смѣхѣ неизбѣжно приходилось говорить въ нѣсколькихъ рубрикахъ, и авторъ допустилъ бы несомнѣнную ошибку, еслибы, изъ опасенія упрека въ повтореніи, этого не сдѣлалъ, еслибы, напр., устранилъ изъ диссертaciї параграфъ о сочетанiи слезъ и смѣха. Такимъ образомъ, изъ допущенныхъ въ диссертaciї „повторенiй“ видно, что авторъ

заботился не объ одномъ безконечномъ дроблениі обнаруженній экстаза на ихъ физиологические элементы, но, гдѣ было нужно, описывалъ цѣлые комплексы симптомовъ, не разрывая ихъ естественной связи. Сохраняя нѣкоторые комплексы, авторъ руководился, какъ было указано, ихъ своеобразiemъ, существенно важнымъ для пониманія природы изучаемаго явленія.

Въ заключеніе своей продолжительной, почти двухчасовой ученой бесѣды съ диспутантомъ, какъ-бы резюмируя свои возраженія, проф. Соколовъ, прежде всего отмѣтилъ, что всѣ они касаются не столько самаго существа дѣла, сколько метода работы автора, его формулы и виѣшнихъ пріемовъ изслѣдованія. Но въ области такихъ сложныхъ, неясныхъ и мало изученныхъ явленій, какъ сектантскій экстазъ, вопросъ о методѣ всегда бываетъ спорнымъ; тѣмъ болѣе спорны формулы. „Поэтому,—говорилъ проф. П. И. Соколовъ,— какъ бы ни расходились въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наши взгляды, я не могу отвергать одного: законности Вашихъ точекъ зрѣнія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Вы имѣли право понять предметъ Вашей работы такъ, какъ Вы его поняли, и изслѣдовать его такъ, какъ Вы его изслѣдовали. А разъ мы допустимъ Ваши исходныя точки и Вашъ методъ, Ваша книга является замѣчательною. Вы сдѣлали первую систематическую попытку научно разобраться въ томъ своеобразномъ комплексѣ явленій, который Вы назвали сектантскимъ экстазомъ; и Вы выполнили эту попытку съ такими громадными знаніями, съ такой широтой научнаго кругозора, съ такою тщательностью анализа и стройностью синтеза, которая въ диссертацияхъ встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія. Въ своемъ официальномъ отзывѣ я назвалъ Вашу работу *научнымъ событиемъ* въ области русскаго сектовѣдѣнія, и теперь мнѣ пріятно еще разъ засвидѣтельствовать это мое мнѣніе передъ настоящимъ достопочтеннымъ собраниемъ“.

Къ этому проф. Соколовъ присоединилъ горячее пожеланіе автору, чтобы онъ получилъ, наконецъ, возможность непосредственнаго личнаго знакомства съ сектантскимъ міромъ, и вообще, чтобы его дальнѣйшая работа протекала при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Заключительныя слова проф. П. И. Соколова были покрыты

громкими аплодисментами аудиторії, послѣ чего диспутантъ въ краткихъ словахъ поблагодарилъ своего оппонента за очень внимательное отношеніе къ диссертациі и заявилъ, что, въ связи съ критическими замѣчаніями П. П.-ча, онъ вновь продумаетъ схему, положенную въ основу своего произведенія.

Второй офиціальный оппонентъ, И. М. Громогласовъ, началь выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что онъ не можетъ, не выходя изъ порученной ему роли присяжного обвинителя, подробно остановиться на выдающихся достоинствахъ работы г. Коновалова: обиліи привлеченаго къ ізслѣдованію первостепенно-цѣннаго рукописнаго матеріала, массѣ новыхъ и чрезвычайно интересныхъ фактическихъ данныхъ, впервые вводимыхъ въ научный оборотъ, замѣчательно стройной и продуманной системѣ, въ какой они сведены, тонкости сдѣланныхъ наблюденій и важности уже теперь ясно намѣчающихся выводовъ по цѣлому ряду первостепенныхъ вопросовъ сектовѣдѣнія (въ частности—по вопросу о происхожденіи основныхъ формъ русскаго мистического сектантства). Это тѣмъ болѣе непріятно для оппонента, что заготовленный имъ не длинный списокъ возраженій подвергся значительному сокращенію по мѣрѣ того, какъ развивалась бесѣда диспутанта съ предыдущимъ возражателемъ, такъ что въ концѣ концовъ изъ всего обвинительнаго матеріала осталось только два не возраженія, а скорѣе—недоумѣнія, которыя желательно было бы уяснить, да еще двѣ-три мелкихъ „придирки“ къ неточностямъ или недосмотрамъ, неизбѣжнымъ во всякой работѣ.

Сущность первого недоумѣнія, предъявленнаго затѣмъ диспутанту, сводилась къ тому, какъ смотрѣть онъ на общую массу послѣдователей разнообразныхъ формъ мистического сектантства, признавая характерною чертою его религіозный экстазъ. Въ картинахъ послѣдняго, данной въ разсмотривающейся ізслѣдованіи, видное мѣсто занимаетъ цѣлый рядъ патологическихъ моментовъ. Не скрывается ли за этимъ мысль, что вся сущность мистического сектантства въ психопатологіи, и что общины сектантовъ - мистиковъ состоять исключительно изъ первно и душевно-больныхъ субъектовъ? Такое возврѣніе представляло бы крайность, съ которой оппонентъ рѣшительно не находилъ возможнымъ согласиться.

На это возражение, признавая особенную его серьезность, Д. Г. Коноваловъ далъ довольно подробный и обстоятельный отвѣтъ, который сводился къ слѣдующему. Прежде всего, сильного ограничения требуетъ мысль, будто авторъ диссертациі считаетъ религіозный экстазъ, наблюдаваемый въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ, явленіемъ совершенно и всецѣло патологическимъ, болѣзненнымъ. Въ своей рѣчи онъ опредѣлилъ сектантскій экстазъ лишь, какъ „ненормальное душевное волненіе“; а терминъ „ненормальный“ еще не значить непремѣнно „больной“ или „патологический“ въ общепринятомъ смыслѣ этихъ словъ. Затѣмъ, въ сектантской средѣ нужно строго различать отдѣльныхъ субъектовъ—специфическихъ экстатиковъ—отъ общей массы, группирующейся вокругъ нихъ. И если первыхъ, за рѣдкимъ исключениемъ, нельзя не признать людьми ненормальными, нервно или душевно-больными, то рядовую сектантскую массу и съ точки зрѣнія диспутанта нѣть надобности считать непремѣнно сплошнымъ подборомъ болѣзненныхъ личностей. Соотношеніе между числомъ настоящихъ экстатиковъ и рядовыхъ членовъ въ отдѣльныхъ сектантскихъ общинахъ бываетъ различнымъ. Крайностями нужно считать случаи, когда въ цѣлыхъ сектантскихъ общинахъ, не смотря на все усердіе сектантовъ въ радиі, не находится человѣка, способнаго войти въ экстатическое состояніе, когда „духъ“ не накатывается ни на кого изъ радиющіхъ, очевидно, за отсутствіемъ нерво-возбудимыхъ субъектовъ, наклонныхъ легко „выходить изъ себя“, изъ предѣловъ обычной нормы. Въ такихъ случаяхъ сектанты обращаются на сторону, приглашаютъ „пророковъ“ изъ другихъ кораблей, иногда издалека. Напр., Царевскіе хлысты (Астрах. г.) привозили однажды пророка изъ Черноморья, потерявши надежду собственными силами войти въ общеніе съ Духомъ Святымъ. Равнымъ образомъ исключительными случаями нужно признать и тѣ, когда экстазъ овладѣваетъ всѣми участниками молитвенныхъ собраній. Это наблюдается преимущественно въ эпохи религіозно-экстатическихъ эпидемій среди сектантовъ, когда ихъ возбужденіе бываетъ чрезмѣрнымъ. Но въ обычныхъ условіяхъ настоящій религіозный экстазъ оказывается переживаніемъ, не всегда и далеко не для всѣхъ сектантовъ общедоступнымъ. Нѣкоторые сектанты, по собственному ихъ признанію, удостоиваются посѣщенія экстаза

не болѣе одного раза въ жизни, чрезъ десятки лѣтъ по вступлениі въ секту.— Что же, спрашивается, привлекаетъ и удерживаетъ въ сектантской средѣ эти натуры, очевидно нормальныя, чуждыя надлежащей нервной возбудимости, разъ имъ почти не доступенъ настоящій экстазъ, являющійся, по словамъ автора диссертациі, „дѣйствительнымъ выраженіемъ существа религії“ русскаго мистического сектантства? Игнорируя случаи, когда вступленіе отдельныхъ лицъ въ ряды сектантовъ-мистиковъ ничего общаго съ религіей не имѣть, можно сказать, что связь людей, совершенно нормальныхъ въ нервно-психическомъ отношеніи, съ названными сектантами объясняется доступностью и для такихъ людей простой религіозной *экзальтациі*, совершенно аналогичной съ волненіями, составляющими начальныя фазы настоящаго экстаза. Эта религіозная экзальтация, слагающаяся изъ чувствъ умиленія, облегченія и радости, является состояніемъ въ высокой степени пріятнымъ, утѣшительнымъ, особенно для людей, которымъ пришлось много выстрадать на своемъ вѣку. Вотъ примѣръ. Харьковскій профессоръ-психіатръ Анфимовъ, въ своей экспертизѣ о Супоневскихъ хлыстахъ, приводить слова одной изъ освидѣтельствованныхъ имъ сектантокъ, которую онъ призналъ *совершенно здоровой*: „*Много я видѣла на своемъ вѣку горя, потеряла почти всѣхъ дѣтей: бывало у меня часто на душѣ тяжело; я ходила на хлыстовскія моленія; они нравились мнѣ, потому что на душѣ становилось легче*“. Сектантскія радѣнія тѣмъ и привлекательны для народа, что тамъ, подъ вліяніемъ сильныхъ экстазирующихъ средствъ (воодушевленной проповѣди и молитвы, умиленіаго чтенія св. писанія, своеобразнаго пѣнія, плясокъ и пророчествъ) и особенно подъ впечатлѣніемъ экстатического возбужденія нѣкоторыхъ участниковъ,—даже мало возбудимый человѣкъ невольно заражается общимъ повышеннымъ настроениемъ, приходить въ экзальтацию, соединяющуюся съ очень пріятнымъ самочувствіемъ. Безъ этого утѣшительнаго возбужденія, близко граничащаго съ экстазомъ, мистическія sectы, по словамъ одного бывшаго хлыста, были бы „ничтожны“.

Въ качествѣ второго своего „недоумѣнія“ г. Громогласовъ предложилъ диспутанту вопросъ, какимъ образомъ оказывается возможнымъ примиреніе, повидимому, совсѣмъ не-

примирилага: различныхъ болѣзненно-экстатическихъ явлений (конвульсій, судорогъ) съ переживаніемъ сектантами пріятныхъ ощущеній (тѣлесной и душевной легкости, умиленія, радости и т. п.) въ состояніи религіознаго экстаза?

По поводу этого недоумѣнія, Д. Г. Коноваловъ сдѣлалъ слѣдующія разъясненія. Какъ бы ни казалось парадоксальнымъ и неестественнымъ сочетаніе необыкновенно пріятнаго самочувствія съ физическими проявленіями ненормального и прямо болѣзненнаго перевозбужденія нервной системы,— но это неоспоримый фактъ, хотя пока не объясненный наукой. Подобное сочетаніе наблюдается и помимо сектантскаго экстаза. По словамъ знаменитаго подвижника, епископа Феофана Затворника, при „художественномъ“ совершеніи молитвы Иисусовой, когда молящійся нѣсколько стѣсняетъ дыханіе и сводить къ груди напряженіе мышцъ, онъ иногда испытываетъ „пріятное“ раздраженіе нервовъ. У людей „слаботѣлыхъ, нервныхъ“ это раздраженіе входитъ глубже въ нервы и начинаетъ отражаться въ мускулахъ: происходятъ легкія движенія, тоже пріятныя, которыя, усиливаясь, переходятъ въ замѣтныя трясенія. Недавно диспутантомъ, послѣ продолжительныхъ поисковъ, найдена чрезвычайно интересная рукопись „О 78 молитвенныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ Сибирскомъ монахѣ-подвижнике Василиске“. Рукопись составлена сподвижникомъ Василиска, Зосимой Верховскимъ, причемъ первый самъ просматривалъ ее и поправлялъ. Какъ видно изъ этой рукописи, Василискъ, творя „художественно“ молитву Иисусову, испытывалъ необычайно сильное трепетаніе сердца („сердце его начинало трепетать, потомъ колебаться и какъ будто бы металось во всѣ стороны“), сильнѣйшее колебаніе головы и сотрясеніе всего тѣла, такъ что едва могъ усидѣть на мѣстѣ. И замѣчательно, что столь крайнее физическое возбужденіе, обыкновенно сопровождающееся у другихъ людей и въ иныхъ условіяхъ соответствующимъ интенсивнымъ ощущеніемъ физической боли и страданія,—у Василиска соединялось съ живѣйшимъ ощущеніемъ неизъяснимой „сладости“ въ сердцѣ и во всѣхъ членахъ, чувствомъ умиленія, легкости и радости. Внѣ религіозной сферы, подобное состояніе встречается при раздраженіи нервной системы наркотическими веществами, во многихъ случаяхъ такъ называ-

емаго „наслажденія страданіемъ“, иногда въ предсмертныя минуты (эйфорія умирающихъ), въ обморочныхъ состояніяхъ, въ моментъ гипнотического засыпанія, въ приступахъ маніакального возбужденія у разнаго рода душевно-больныхъ, въ иѣкоторыхъ припадкахъ истеріи и эпилепсіи. Напр., Достоевскій, описывая въ романѣ „Идіотъ“ эпилептическій припадокъ, говоритъ, что князь Мышкинъ въ самый послѣдній сознательный моментъ предъ припадкомъ испытывалъ *реальнѣйшее ощущеніе безпредѣльного счастья*. Таковы факты. Они еще ждутъ своего объясненія. Если оно будетъ найдено, то получить полное разрѣшеніе и представленное оппонентомъ не-доумѣніе.

И. М. Громогласовъ сдѣлалъ еще три мелкихъ замѣчанія по поводу отдельныхъ сообщеній, приводимыхъ въ диссертациі. Онъ обратилъ вниманіе, прежде всего, на курьезное показаніе Тамбовскаго хлыста Токарева о томъ, какъ онъ прикладывалъ руку къ сердцу спящей жены, предварительно ее перекрестивши, и, когда ощущалъ „внутри ея трепетъ“, заключалъ, что это „Духъ радуется слову Божію и любови“ (стр. 46). Д. Г. Коноваловъ согласился, что описанный здѣсь опытъ представляется дѣйствительно курьезнымъ, но его нельзя назвать невѣроятнымъ. Въ доказательство возможності такого опыта, Д. Г. сослался на аналогичный фактъ изъ житія ранѣе имъ упомянутаго Сибирскаго подвижника Василиска. Тамъ разсказывается, какъ одинъ боголюбивый отецъ, узнавши, что Василискъ совершає молитву Іисусову очень медленно, посовѣтовалъ ему произносить слова молитвы иѣсколько поспѣшнѣе, увѣряя, что чрезъ это удобнѣе отражаются суетные помыслы. При этомъ, онъ, *приложа руку свою къ сердцу Василиска, наблюдалъ движение и биеніе сердца его* при болѣе быстромъ произношеніи молитвенныхъ словъ, но, ничего особеннаго не ощущивъ, велѣлъ ему по своему навыку производить молитву. Василискъ началъ, и вдругъ вскипѣла благодатная сладость въ его сердцѣ, которое восстремтало и начало биться во всѣ стороны. Когда это ощутилъ упомянутый старецъ, онъ сказалъ Василиску: „Блаженъ ты, отче! твори и подвизайся, какъ наставилъ тебя Господь“. О такомъ приемѣ, практикующемся среди подвижниковъ, легко могли знать Тамбовскіе хлысты половины XIX вѣка, какъ изъ личныхъ бесѣдъ съ разными подвижниками,

такъ изъ аскетическихъ сочиненій, которыхъ, вообще, въ большомъ почетѣ у сектантовъ—мистиковъ. Напр., тѣ же Тамбовскіе хлысты зачитывались книгой св. Тихона Воронежскаго „О должностяхъ христіанина“ и находили въ ней обоснованіе почти всѣхъ пунктовъ своего ученія.

Затѣмъ, И. М. Громогласовъ прочелъ изъ диссертациіи приведенную въ ней „сцену поборонія нечистой силы дѣйствиемъ св. Духа“, сцену, которую изобразилъ на моленіи Закавказскихъ прыгуновъ новообращенный въ ихъ секту армянинъ Хачатуръ (стр. 133—134),—и поставилъ вопросъ: дѣйствительно ли армянинъ Хачатуръ въ этотъ моментъ быль въ состояніи экстаза, или, быть можетъ, эта сцена была имъ разыграна умышленно? Диспутантъ отвѣтилъ, что описание этой сцены имъ заимствовано изъ книги *Дингельштедта* „Закавказскіе сектанты“, где есть указаніе о томъ, что Хачатуръ дѣйствительно быль „въ духѣ“, когда на моленіи изображалъ описанную сцену (стр. 11—12).

Послѣднее замѣчаніе И. М. Громогласова касалось примѣчанія на страницѣ 148-й, где Tholuck отнесенъ къ числу „новѣвшихъ“ ученыхъ, со ссылкой на его сочиненіе, напечатанное въ 1821 году. Диспутантъ пояснилъ, что „новѣвшій“ ученымъ онъ назвалъ Tholuckа по сравненію съ Аристотелемъ, о которомъ рѣчь идетъ вначалѣ того-же примѣчанія.

Въ заключеніе И. М. Громогласовъ привѣтствовалъ своего собесѣдника, какъ автора замѣчательнаго по своимъ качествамъ ученаго труда, появившагося, къ тому же, весьма кстати и своевременно. Нужда въ научной разработкѣ вопросовъ о русскомъ сектантствѣ никогда еще не сознавалась такъ ясно и настоятельно, какъ теперь. Этимъ сознаніемъ подсказано, между прочимъ, постановленіе недавняго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда въ Кіевѣ о необходимости открытия при всѣхъ духовныхъ академіяхъ особой каѳедры сектовѣдѣнія. Но честь первенства въ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежитъ собственно Московской академіи или, точнѣе ея высшему іерархическому руководителю, по инициативѣ котораго у насъ еще три года тому назадъ Высочайше утверждена названная каѳедра и тогда же академическимъ Совѣтомъ единогласно избранъ первый ея замѣститель въ лице Д. Г. Коновалова. И академический совѣтъ зналъ, что дѣ-

лалъ, избирая г. Коновалова на каѳедру сектовѣдѣнія, такъ какъ разсматриваемой работой диспутантъ блестяще оправдалъ мнѣніе о немъ, выраженное въ совѣтскомъ постановленіи. Остается пожелать, чтобы, достойноувѣнчанный ученою степенью за свой весьма цѣнныи трудъ по изученію русскаго сектантства, онъ получилъ возможность, съ переходомъ на соотвѣтствующую каѳедру, безраздѣльно отдаваться разработкѣ излюбленной имъ, только еще зарождающейся у насъ отрасли научно-богословскаго знанія.

Когда официальные оппоненты закончили свои возраженія, предсѣдатель собранія, Преосвященный Ректоръ Академіи, обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ сдѣлать диспутанту возраженія съ своей стороны. На его предложеніе первымъ отозвался *С. П. Мельгуновъ*, небезызвѣстный писатель - публицистъ по вопросамъ русскаго раскола и сектантства¹⁾.

Г. Мельгуновъ съ самаго-же начала заявилъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ лестнымъ отзывамъ о диссертациіи г. Коновалова его официальныхъ оппонентовъ, и если все же береть на себя смѣлость нѣсколько затянутъ диспутъ, то дѣлаетъ это единственно съ тою цѣлью, чтобы высказать автору рядъ предостереженій и пожеланій, въ интересахъ его дальнѣйшей работы. „Русское сектантство, говорилъ г. Мельгуновъ, это—не только важное религіозное, но и крупное общественное явленіе. Оно вполнѣ заслуживаетъ самаго добросовѣстнаго и серьезнаго научнаго изученія. А между тѣмъ науки сектовѣдѣнія у насъ, какъ это ни грустно, до сихъ поръ еще не было и нѣть. Самое большее, что мы теперь имѣемъ, это—лишь матеріаль для будущей науки. Таковы, напр. и всѣ труды наиболѣе извѣстныхъ у насъ писателей и историковъ сектантства: Пыпина, Бобрищева-Пушкина, проф. Милюкова, Пругавина и др. О русскомъ сектантствѣ, правда, еще писали у насъ и различные духовные авторы. Но трудами этихъ писателей, къ сожалѣнію, приходится отказать даже и въ значеніи сколько-нибудь пригоднаго матеріала. Зависитъ это отъ того, что работы духов-

¹⁾ Часть многочисленныхъ статей *С. П. Мельгунова* по вопросамъ старообрядчества и сектантства издана имъ отдѣльнымъ сборникомъ подъ заглавіемъ: „Церковь и государство въ Россіи“, Москва, 1907.

ныхъ писателей рѣзко окрашены полемикой, проникнуты духомъ нетерпимости и лишены истинно-научнаго объективизма. А между тѣмъ сектантство, какъ явленіе религіозное по самой своей природѣ, требуетъ, именно, богословскаго образованнаго изслѣдователя. Я по собственному опыту знаю, какъ трудно въ этой области работать лицу, не получившему специальнаго образованія. И вотъ, въ лицѣ Васъ, Д. Г., я и хотѣлъ бы привѣтствовать, именно такого крайне нужнаго и полезнаго для дѣла работника, который бы съ прекраснымъ специальнымъ образованіемъ соединялъ бы и просвѣщенную широту и научность взглядовъ. Своей настоящей работой Вы доказали, что стоите на вѣрномъ пути и можете оправдать мои лучшія надежды. Но я позволяю себѣ высказать Вамъ и нѣкоторыя предостереженія, которыхъ, надѣюсь, будутъ Вамъ небезполезны въ Вашей послѣдующей работе по сектантству. Прежде всего я хотѣлъ еще больше усугубить Вашу осторожность въ пользованіи материаломъ. Вы, какъ и сами заявили, еще не имѣете непосредственнаго личнаго знакомства съ мистическимъ сектантствомъ, а принуждены судить о немъ по отзывамъ другихъ лицъ, или по дѣламъ окружныхъ судовъ и консисторій. Но кто-же не знаетъ, какъ много пристрастнаго и субъективнаго въ освѣщеніе дѣла вносить большинство, такъ называемыхъ, „достовѣрныхъ свидѣтелей-очевидцевъ?“ Нельзя въ данномъ случаѣ довѣрять и судебнай экспертизѣ. Недоброкачественность подобнаго материала удостовѣрена такимъ, болѣе чѣмъ умѣреннымъ, авторитетомъ, какъ проф. Ивановскій, такъ что нужна крайняя критическая осторожность въ пользованіи подобными источниками: они носятъ слишкомъ специфическій характеръ. Минъ кажется, что Вы не всегда достаточно анализируете тотъ обильный материалъ, которымъ Вы пользуетесь. Такимъ образомъ, Вы можете нарисовать картину, не всегда соотвѣтствующую дѣйствительности. Опасность эта вытекаетъ отчасти изъ особенности, свойственной предмету, Вамъ изучаемому. Сектантство—явленіе жизни, а потому чрезвычайно трудно подвести его подъ обычныя рубрики. Принятая терминология (дѣленіе на рационалистическое и мистическое, на евангелическое и духовное сектантство) по необходимости носить чрезвычайно искусственный характеръ. Сектантская идеология не пред-

ставляеть чего-либо установившагося; это вѣчно текущая рѣка. Каждая сектантская ячейка переживаетъ самыя разнообразныя эволюціи. Отсюда трудность обобщенія и выводовъ. Еще большую опасность представляеть пользованіе сравнительнымъ методомъ безъ достаточнаго критического анализа, стремленіе установить извѣстную историческую преемственность, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ Вашихъ предшественниковъ въ работахъ о хлыстахъ. Недостаточно отчетливое отношеніе въ данномъ случаѣ приводило къ грубымъ искаженіямъ наблюдало мѣстности. Между тѣмъ, по отношенію къ такъ называемому мистическому сектантству, съ которымъ у насъ такъ часто связываютъ, и нерѣдко безъ всякихъ основаній, проявленія различныхъ безнравственныхъ дѣйствій, надо быть особенно осторожнымъ въ выводахъ. Эти выводы затрагиваются жизненную практику и до сихъ поръ тяжело отзывались на интересахъ значительной группы людей. Въ наши дни, когда на очередь стоитъ вопросъ о реформированіи отечественнаго законодательства въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній несомнѣнно Вашей работой будетъ пользоваться законодатель при определеніи своего отношенія къ такъ называемымъ, по терминологіи современного кодекса, „изувѣреннымъ сектамъ“.

Нельзя также не отмѣтить въ Вашей работе одну тенденцію—чрезмѣрное увлечение данными психіатріи. Окончательныхъ выводовъ въ ней еще нѣть, а потому и хотѣлось бы предостеречь Васъ отъ тѣхъ слишкомъ рискованныхъ заключеній, какіе допускаютъ нѣкоторые изъ нашихъ психіатровъ, занимавшихся изученіемъ сектантства: я говорю о трактованіи религіозно-психическихъ эпидемій проф. Сикорскимъ и д-ромъ Якобіемъ. Они чуть ли не склонны всѣхъ сектантовъ считать какими-то пааноиками и дегенератами; а вѣдь это, конечно, не отвѣчаетъ истинѣ.

Наконецъ, я долженъ отмѣтить, что Вы, при изученіи русского мистического сектантства, слишкомъ исключительно сосредоточиваясь на одномъ психопатологическомъ факторѣ, игнорируете многіе другіе, играющіе здѣсь огромную роль, взять хотя бы соціально-экономической факторѣ. Но въ общемъ,—закончиль свою рѣчь г. Мельгуновъ,—я признаю за Вашей книгой выдающіяся достоинства и привѣтствую ее, какъ первый опытъ истинно-научной разработки вопросовъ

руssкаго сектантства. Я бы выразилъ пожеланіе, чтобы Ваша дальнѣйшая работа, изъ которой мы познакомимся съ выведенами диссертациі, поскорѣе увидала бы свѣтъ и чтобы Вы исполнили свое обѣщаніе опубликовать собранный материалъ. Этимъ самыемъ Вы внесете крупный вкладъ въ науку".

Диспутантъ, поблагодаривъ г. Мельгунова за лестный отзывъ, предостереженія и благожеланія, заявилъ, что онъ во-все не склоненъ игнорировать значеніе соціально-экономического фактора въ жизни сектантовъ и переоцѣнивать роль психопатологического. Это будетъ видно изъ послѣдующихъ выпусковъ его труда, гдѣ будетъ рѣчь о происхожденіи русскаго мистическаго сектантства, его распространеніи и живучести. Коснувшись сдѣланной оппонентомъ оцѣнки источниковъ, по которымъ написана диссертациі, Д. Г. заявилъ, что не раздѣляетъ пессимистического взгляда на ихъ доброкачественность. Судебныя дѣла о сектантахъ содержать множество великолѣпныхъ и безусловно достовѣрныхъ сообщеній, подтверждаемыхъ единогласными показаніями цѣлыхъ десятковъ и сотенъ свидѣтелей, непосредственныхъ очевидцевъ или участниковъ сектантскихъ радѣній. Нѣкоторыя показанія описываютъ такія детали сектантской религіозной экзальтациі, при чтеніи которыхъ исчезаетъ всякое подозрѣніе въ сочинительствѣ. Конечно, есть не мало показаній „по слухамъ“, „по народной молвѣ“, но объ этомъ источникѣ свѣдѣній обычно предупреждаютъ сами свидѣтели. Что касается экспертизы, имѣющихъся въ „дѣлахъ“, то одинъ изъ нихъ—медицинскія—чрезвычайно цѣнны и содержать безусловно объективныя наблюденія, другія, исходящія отъ миссионеровъ, консисторій и отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, нерѣдко голословны, основаны на непроверенныхъ разсказахъ и тенденціозны; ими авторъ избѣгалъ пользоваться въ своей работѣ. Среди печатныхъ сообщеній очевидцевъ сектантскихъ моленій (врачей, священниковъ, бывшихъ сектантовъ, миссионеровъ и т. д., есть также много несомнѣнно правдиваго и важнаго материала. Ручательствомъ и критерiemъ достовѣрности какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ свѣдѣній о сектантахъ является ихъ нерѣдко поразительное согласіе между собой, не смотря на огромную разницу временъ и мѣстъ, когда и гдѣ они собирались. Цѣнность рассматриваемыхъ источниковъ воз-

растаетъ еще отъ того, что личныя наблюденія надъ религіозной экзальтацией во время сектантскихъ радѣй, охраняемыхъ строгой тайной,—какъ они ни заманчивы, оказываются доступными лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Диспутантъ, однако, не отрицаеть, что, при всей доброкачественности бывшихъ въ его распоряженіи источниковъ, требовалась большая критическая осторожность при пользованіи ими. И онъ примѣнялъ таковую въ полномъ объемѣ. Доказательство на лицо: не взирая на многочисленныя завѣренія миссіонеровъ, авторъ не ввелъ въ физическую картину экстаза пресловутаго „свального грѣха“.

Рѣзкимъ диссонансомъ по отношенію ко всѣмъ предшествовавшимъ отзывамъ и характеристикамъ диссертaciи г. Коновалова прозвучали возраженія послѣдняго частнаго оппонента—Московскаго епархиальнаго противосектантскаго миссіонера И. Г. Айазова. Онъ началъ съ характернаго признанія, что къ диспуту подготовиться онъ не успѣлъ, вслѣдствіе неизвѣстности и неожиданности дня диспута, а съ диссертацией ознакомиться надлежащимъ образомъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе отсутствія ея въ продажѣ. Такъ какъ въ этомъ признаніи сквозило довольно недвусмысличное обвиненіе не только г. Коновалова, но и всего Совѣта Академіи въ якобы намѣренномъ замалчиваніи такого важнаго диспута, то г. Айазовъ получилъ, во первыхъ, спра-ведливое разъясненіе отъ предсѣдателя Совѣта—Преосвя-щенаго Ректора Академіи, а во вторыхъ, фактическое опро-верженіе и отъ г. Коновалова ¹⁾.

---

¹⁾ Преосвященный Ректоръ разъяснилъ оппоненту, что по силѣ дѣй-ствующаго академического устава назначеніе сроковъ для диспутовъ за-виситъ отъ Ректора Академіи.

Не можемъ, кстати, не отмѣтить здѣсь и особой синхронности, проявленной къ частному оппоненту, публично заявившему, что къ диспуту онъ не готовился и съ книгой почти не знакомъ. Намъ передавали, что когда аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ Московскомъ Универси-тетѣ—одинъ изъ неофиціальныхъ оппонентовъ проф. П. только-что началь-было свое возраженіе словами: „къ сожалѣнію я не успѣлъ озна-комиться съ Вашей книгой“... то онъ тутъ же былъ остановленъ покой-нымъ деканомъ проф. Троицкимъ: „а, Вы не успѣли ознакомиться съ книгой! Такъ я лишаю Васъ слова: потрудитесь прежде изучить книгу, а потомъ ужъ и возражайте на нее“. Примѣръ, безусловно достойный подражанія.

Какъ-бы иллюстрируя свое слабое знакомство съ книгой магистранта, г. Айвазовъ началъ возраженія не съ нея, а съ рѣчи г. Коновалова. Въ этой рѣчи онъ усмотрѣлъ двѣ серьезныхъ вины автора: во первыхъ, *матеріализацію* имъ даже и психологической стороны русскаго мистического сектантства. а, во вторыхъ, огульное обвиненіе всѣхъ сектантовъ въ *алкоголизмѣ*. Пытаясь дать нѣкоторую аргументацію этимъ своимъ обвиненіямъ, г. Айвазовъ по первому изъ нихъ указалъ на нѣсколько такихъ мѣстъ изъ рѣчи г. Коновалова, въ которыхъ говорится о первобытно-матеріалистическомъ возврѣніи сектантовъ на благодать св. Духа („ловятъ ртомъ св. Духа“, „другъ въ друга вдуваютъ духъ“). По второму пункту онъ сослался на проведенную авторомъ рѣчи параллель между сектантскимъ экстазомъ и алкогольнымъ опьяненіемъ и на прямое его упоминаніе о сектантахъ-алкоголикахъ. При этомъ г. Айвазовъ не преминулъ даже заступиться за сектантовъ, сказавъ, что если въ чемъ либо еще, то въ употребленіи спиртныхъ напитковъ русскіе сектанты могутъ быть заподозрѣны всего меныше.

Отвѣчая на эти возраженія, г. Коноваловъ сдѣлалъ, прежде всего, ихъ общую характеристику, сказавши, что они основаны на полномъ непониманіи его словъ и на извращеніи ихъ подлиннаго смысла. Въ частности, его рѣчь не даетъ ни малѣйшаго основанія говорить о какой-то матеріализаціи душевныхъ процессовъ; наоборотъ, и тема рѣчи, и все ея содержаніе, и, наконецъ, прямое опредѣленіе сущности

Съ своей стороны, г. Коноваловъ указалъ, что о днѣ диспута неоднократно сообщалось въ нѣсколькихъ, наиболѣе извѣстныхъ Московскихъ газетахъ (напр. „Русск. Вѣд.“ № 254, „Голосъ Москвы“ № 254, 1908). Къ этому слѣдуетъ добавить, что книга г. Коновалова немедленно по выходѣ въ свѣтъ отдельнымъ изданіемъ (1-го Сент. 1908 г.) поступила для продажи во всѣ главнѣйшіе книжные магазины, такъ что ко дню диспута была уже отмѣчена газетной рецензіей (Рус. Вѣд. № 214), что, наконецъ, раньше особаго выпуска, она въ теченіи почти двухъ лѣтъ печаталась въ видѣ отдельныхъ статей въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ и, слѣдовательно, была открыта для научной любознательности каждого, дѣйствительно интересующагося ею. Отзывы объ этихъ статьяхъ помѣщались не только въ общей богословской прессѣ (напр., въ „Богосл. библ. листкѣ“, при „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“—Май—Июнь 1907 г. с. 245—278), но и въ специальной миссіонерской (напр. „Миссіонерское Обозрѣніе“, Июнь 1907 г., с. 963).

экстаза, какъ своеобразнаго душевнаго волненія—все это ясно говорить о совершенно противоположномъ. Если же, тѣмъ не менѣе, онъ употребляетъ при этомъ и нѣкоторые чисто физические образы, то, во первыхъ, пользуется здѣсь подлинной сектантской терминологіей, а во вторыхъ, характеризуетъ такимъ путемъ сектантское же міровоззрѣніе, а отнюдь не свое собственное. Что же касается вопроса о сектантскомъ алкоголизмѣ, то и здѣсь г. Айвазовъ непростительно спуталъ двѣ совершенно разныхъ вещи: одно дѣло предъявлять сектантамъ огульное обвиненіе въ пьянствѣ, о чёмъ не было рѣшительно никакого упоминанія въ „рѣчи“, другое—говорить о бывшемъ алкоголизмѣ или тяжелой алкогольической наслѣдственности нѣкоторыхъ сектантовъ—эктатиковъ, что, дѣйствительно, допускаетъ авторъ, и, наконецъ, совершенно иное—устанавливать лишь параллелизмъ между двумя явленіями — сектантскимъ возбужденіемъ и алкогольнымъ опьяненіемъ, поводъ къ которому даютъ опять сами же сектанты своими „приточными“ сравненіями.

Переходя, далѣе, къ самой книгѣ диспутанта, г. Айвазовъ больше всего упрекалъ автора за то, что тотъ, задавшись цѣлью охватить весь сектантскій міръ, остановился лишь на одной физической сторонѣ, и притомъ, не индивидуальнаго, а колективнаго экстаза, чѣмъ, по взгляду оппонента, авторъ будто бы доказалъ, что отрицаешь всѣ другія стороны въ сектантствѣ и смотрѣть на него грубо материалистически. Диссертациѣ же, вслѣдствіе этого, оказывается будто бы чуждой богословскаго характера.

Но, предъявляя диспутанту столь серьезное обвиненіе, г. Айвазовъ не далъ своимъ мыслямъ строгой логической формулировки, почему и мы затрудняемся передать ихъ, подобно предыдущимъ, послѣдовательно и связно. Насколько припоминаемъ, г. Айвазовъ особенно упрекалъ автора за то, что онъ изслѣдовалъ физическія явленія сектантскаго экстаза даже во всѣхъ ихъ деталяхъ, а внутренней сущности экстаза, самой души его не уловилъ, тогда какъ, именно, въ ней-то и заключается вся суть дѣла. Въ подтвержденіе этого, онъ сослался на свою бесѣду съ Козьмой Рябыхъ, судившимся въ Екатеринославскомъ окружномъ судѣ по обвиненію въ хлыстовствѣ, и съ благодарностью вспомнилъ даже

французскаго писателя Флобера, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Искущеніе св. Антонія“ смотритъ-де на вещи глубже¹⁾.

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Д. Г. категорически заявилъ, что оно совершенно неприложимо къ его диссертациі, на заглавномъ листѣ которой ясно и опредѣленно ограниченъ ея предметъ. Таковыемъ оказываются исключительно физической явленія сектантскаго экстаза, и странно было-бы въ книгѣ съ такимъ заглавиемъ трактовать о „душѣ экстаза“. По намѣченному авторомъ плану, психическимъ проявленіямъ экстаза будуть посвящены дальнѣйшіе выпуски изслѣдованія. Началь же онъ не съ нихъ, а съ физическихъ, главнымъ образомъ, потому, что методъ восхожденія отъ нагляднаго и простого къ болѣе отвлеченному и сложному признаетъ самымъ цѣлесообразнымъ. Полнымъ недоразумѣніемъ со стороны оппонента считаетъ авторъ и обвиненіе въ небогословскомъ характерѣ диссертациі. Вѣдь физіологическая явленія сектантскаго экстаза изслѣдуются въ ней не изолированно отъ ихъ природной религіозно-психологической почвы, а въ связи съ послѣдней, какъ, именно, явленія религіозныя, поскольку сами сектанты считаютъ ихъ дѣйствіями Св. Духа въ человѣкѣ.

Отъ обвиненія автора въ злоупотребленіи физіологіей, оппонеть, по какой-то неуловимой ассоціації, перешель къ противоположному обвиненію — стать упрекать автора за чрезмѣрное увлеченія психіатріей, которая, какъ извѣстно, есть наука о „душевныхъ“ болѣзняхъ. Ясно, что этимъ вторымъ возраженіемъ оппонентъ опровергалъ свое первое и вообще самъ же дискредитировалъ ихъ оба. Объясненіе такого грубаго внутренняго противорѣчія въ возраженіяхъ г. Айвазова нужно искать въ его плохомъ знакомствѣ съ книгой, благодаря чему, за отсутствиемъ собственныхъ возраженій, ему пришлось пробавляться чужими, къ тому же и не всегда правильно воспринятыми и часто лождо освѣщенными. Особенное пристрастіе обнаружилъ онъ къ возраженіямъ проф. Соколова, нерѣдко искажая ихъ до степени карикатуры, что

¹⁾ Ссылка на дѣло Козьмы Рябыхъ особенно неудачна здѣсь, такъ какъ Козьма Рябыхъ, несмотря на всѣ усиленія г. Айвазова, выступавшаго въ роли эксперта, обвинять его въ хлыстовствѣ, судомъ былъ оправданъ.

вызвало невольный смѣхъ въ рядахъ публики. Не понимая истиннаго смысла этого, въ сущности безобиднаго смѣха, г. Айвазовъ какъ то наивно оскорблялся и требовалъ себѣ свободы слова, которой никто и не думалъ его лишать. Однако эта самая свобода послужила ему скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу, такъ какъ она еще больше обнаруживала слабое знакомство оппонента съ диссертацией и даже вскрыла нѣкоторые непростительные промахи въ специальной для него области сектовѣдѣнія. Усиливаясь, напр. отстоять наличность „свального грѣха“ у сектантовъ, г. Айвазовъ ссылался на дѣла о Радаевѣ, которыхъ, какъ выяснилось изъ преній, онъ лично не видаль. Но въ этихъ источникахъ и рѣчи имѣтъ о „свальномъ грѣхѣ“ сектантскихъ радѣній, а приводятся лишь факты самаго обыкновенного разврата. Равнымъ образомъ, сославшись во время преній на sectу какихъ-то „иссопниковъ“, якобы развивающихъ особое воззрѣніе на Св. Духа, онъ не могъ ни указать надежныхъ источниковъ, откуда онъ черпаетъ такія свѣдѣнія о названной sectѣ, ни вообще дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ доказательствъ самаго ея существованія, рѣшительно отрицаемаго диспутантомъ. Яркимъ же примѣромъ поверхностнаго знакомства оппонента съ диссертацией было заявление, будто въ ней ничего не говорится о скопцахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ приводится множество фактovъ изъ жизни этихъ сектантовъ.

Изъ болѣе мелкихъ возраженій г. Айвазова намъ припоминается его указаніе на одинъ пропускъ въ диссертaciї, именно, въ отдѣлѣ о глюссолалии, гдѣ автору, по мнѣнію оппонента, слѣдовало бы, во избѣжаніи могущаго произойти соблазна, сдѣлать рядъ полемико-миссіонерскихъ примѣчаній объ истинной и ложной глюссолалии. Диспутантъ отвѣтилъ, что такія примѣчанія выходятъ за рамки его специальной задачи и могутъ служить предметомъ особой, чисто миссіонерской работы, заняться которой онъ и порекомендовалъ самому г. Айвазову, какъ миссіонеру по специальности. Наконецъ, оппонентъ не постыдился преподать указаніе и всему Совѣту Академіи въ томъ смыслѣ, что ему надлежитъ воздержаться отъ присужденія г. Коновалову магистерской степени за чисто клиническое изслѣдованіе и подождать выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ его

труда, когда онъ дасть именно то, что нужно для нихъ, миссионеровъ, и чего они желаютъ и ждутъ отъ профессоровъ Духовныхъ Академій.

Въ заключеніе не въ мѣру затянувшагося диспута,—закончился онъ около часу ночи—на нѣсколько минутъ слово взялъ проф. Петербургскаго Университета—И. Д. Андреевъ, который съ большимъ подъемомъ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвался, какъ о диссертациі Д. Г., такъ и о Московской Академіи, имѣющей возможность выпускать подобныя диссертациі и потому заслуженно пользующейся высокой репутацией у русскаго образованнаго общества и русской университетской науки.

Вслѣдъ за этимъ, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ мнѣнія всѣхъ присутствующихъ на диспутѣ членовъ Совѣта, единогласно признавшихъ защиту диссертациі удовлетворительной, объявилъ Д. Г. Коновалова магистромъ богословія, при дружныхъ, долго не смолкавшихъ аплодисментахъ всей аудиторіи.
